

Центральная мера площади в Византии — модий. Очень остроумно Шильбах показал (стр. 63—66), что термином *στρέμμα* обозначалась, по-видимому, площадь, соответствовавшая 1 модию (а не меньшая, как думали до сих пор). Модий, по Шильбаху, исчислялся тройко (если не считать особых случаев): в 888,73, в 939,18 и в 1279,78 кв. м (стр. 66). Другая важная мера — зевгарь. Шильбах отмечает, что она варьировала от 8 до 20 га и составляла площадь, которую пара волов могла вспахать за год (стр. 69).

Меры сыпучих тел Шильбах разделяет на две группы: одни применялись в фискальных целях и для исчисления посева, другие — в торговле (стр. 94). Так как они носили одинаковые названия (модий и его производные), разграничить обе группы не всегда просто. Автор рассматривает разные виды модия (как меры объема) и, в частности, показывает, что антикизирующий термин «медимн» обычно соответствовал модию (стр. 56—98). Так называемый морской модий Шильбах исчисляет в 17,084 литра (стр. 96), афонный — в 11,389 м (стр. 99), тогда как модий, употреблявшийся при торговых операциях, колебался между 316,73 и 333,24 литра (стр. 104).

Единицей веса была литра, которая составляла:

- в IV—VI вв. — ок. 324 г.
- в VI—VII вв. — ок. 322 г.
- в VII—IX вв. — ок. 320 г.
- в IX—начале XIII в. — ок. 319 г.
- в XIII—XV вв. — не более 319 г. (стр. 166).

Собранный и исследованный Шильбахом материал важен прежде всего как справочный. Однако его значение этим не исчерпывается. Он позволяет если не понять, то, во всяком случае, задуматься над некоторыми особенностями византийской системы мер и весов.

Как и повсюду в средние века, в Византии в основе измерения пространства и объема лежали конкретные, по большей части антропологические, понятия. Мерами длины были стопа, локоть, расстояние между большим пальцем и мизинцем; поверхность измерялась количеством засеваемого зерна или трудом воловьей-упряжки. Строго метрической системы мер здесь не было.

Корни византийской системы мер Шильбах ищет в античности: по его мнению, линейные меры восходят по преимуществу к древнегреческим (стр. 16), квадратные — к римским (стр. 74—79). Мне кажется сомнительной самая возможность происхождения линейных мер из одного культурного круга, а квадратных из другого. При решении этого вопроса не следует сбрасывать со счетов осознанный традиционализм византийского общества — тем более интересны наблюдения Шильбаха, отмечающего в ряде случаев отличия византийских мер от более ранних (например, стр. 33 и сл.).

Очень показателен «полисемантизм» византийских мер. Термин «модий» в этом отношении весьма любопытен: мы уже видели, что за ним скрывались самые разные понятия. Локальные особенности таких мер, как локоть или калам (тростник), были весьма значительны. Византийская централизация не распространялась, по всей видимости, на меры длины, поверхности, сыпучих тел и жидкостей.

В отличие от этого система веса предстает перед нами более унифицированной. Шильбах отмечает, что в средневизантийский период локальных мер веса в Византии не было — они складываются только с XIII в. (стр. 186 и сл.). Что это — случайность или закономерное явление? Автор не ставит такого вопроса. Для социально-экономической истории Византии особенно интересен экскурс Шильбаха в сферу податной системы. Здесь было бы чрезвычайно существенно рассмотреть вопрос о факторах, определявших как размер податей, так и цену земли³. Если Шильбах справедливо отмечает, что размер площади определялся далеко не одними только метрическими критериями (стр. 56—58), то в еще большей степени эти особенности средневекового мышления обнаруживались в конституировании поземельной ренты или налога. К сожалению, стремление получить усредненные цифры ведет Шильбаха в данном случае к искажению перспективы и к потере «внеэкономического» фактора.

И последнее замечание. Шильбах приводит (стр. 57, прим. 6) интересную таблицу урожайности (от 1,6 : 1 до 5 : 1). В какой мере, однако, эти данные (для одного района в конце XIV в.) распространяемы на всю территорию и всю историю империи? В конце XII в. Евстафий Солунский гордился урожаем почти в сам-20!

А. К.

³ См. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 155 и сл.; К. В. Хвостова. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968, стр. 115—135.